

DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-55-69
УДК 338(045)
JEL P40

«Экономическое чудо» во Франции: формирование и результаты дирижистской модели в 1944-1973 годах

А.Г. Худокормов

МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7901-2108>

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – показать определяющую роль дирижизма в восстановлении и процветании Франции в период 1944–1973 гг., влияние национализации предприятий ведущих отраслей промышленности, банков на компенсационной основе и индикативного планирования на возрождение экономики страны и достижение высоких темпов ее роста, подъем сельского хозяйства, формирование единой системы государственного социального страхования. В результате проведенных в 1950–1960-х гг. реформ эти десятилетия стали периодом ускоренного и почти непрерывного роста экономики Франции. Локомотивами экономического роста стали отрасли тяжелой промышленности, в которые направлялась большая часть всех капиталовложений в промышленность. Обновлялось оборудование в машиностроении (прежде всего в автомобиле- и самолетостроении, производстве станков и приборов), модернизировались металлургия, электротехника, химия, нефтепереработка, создавалась впервые в истории атомная промышленность. Высоких показателей достигло обновленное сельское хозяйство, в котором была проведена широкая механизация. Все это сопровождалось существенными позитивными сдвигами в социальной сфере: вскоре после Освобождения была восстановлена 40-часовая рабочая неделя, возвращались ежегодные отпуска для рабочих и служащих. Уже к 1946 г. была сформирована единая государственная система социального страхования, которая распространялась на все категории лиц наемного труда, кроме работников аграрного сектора. В итоге дирижистская модель во Франции в период 1944–1973 гг. позволила этой стране не только восстановить разоренную войной экономику, но и добиться впечатляющих успехов в промышленности, сельском хозяйстве и социальной сфере, вернуть ей одну из ключевых позиций в мире. Отсюда следует вывод, что опыт применения дирижистской модели во Франции может быть использован при разработке направлений реформирования российской экономики в современных условиях.
Ключевые слова: дирижистская модель; национализация; индикативное планирование; модернизация промышленности и сельского хозяйства; государственная система социального страхования; экономическая политика голлизма; переход к «открытой экономике»

Для цитирования: Худокормов А.Г. «Экономическое чудо» во Франции: формирование и результаты дирижистской модели в 1944-1973 годах. *Мир новой экономики.* 2019;13(2):55-69. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-55-69

“Economic miracle” in France: Formation and Results of the Dirigisme Model in 1944-1973

A.G. Khudokormov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7901-2108>

ABSTRACT

The purpose of the article is to show the determining role of dirigisme in the restoration and prosperity of France in the period 1944–1973; the influence of nationalization of enterprises of leading industries, banks on a compensatory basis; indicative planning for the revival of the country's economy and achieving high rates of its growth; the rise of agriculture; the formation of a unified system of state social insurance. As a result of the reforms carried out in the 1950s and 1960s, these decades were a period of accelerated and almost continuous growth of the French economy. The 'engines' of economic growth were heavy industries, which accounted for the majority of all investment in the industry. The equipment in machine building (first of all in the car and aircraft construction, production of machines and devices) was updated; metallurgy, electrical engineering, chemistry, oil refining were modernised; the nuclear industry was

created for the first time in the history. At the same time, in agriculture was held large-scale mechanisation. All this was accompanied by significant positive changes in the social sphere: soon after the end of WWII, the 40-hour working week was restored, annual leave for workers and employees was returned. Already by 1946, a unified state social insurance system was formed, which extended to all categories of employees, except for workers in the agricultural sector. As a result, the dirigisme model in France in the period 1944–1973 allowed this country not only to restore the war-ravaged economy, and also to achieve impressive success in industry, agriculture and the social sphere, to return it to one of the key positions in the world. It leads to the conclusion that the experience of using the conductor model in France can be used in the development of areas of reform of the Russian economy in current conditions.

Keywords: dirigisme model; nationalisation; indicative planning; modernisation of industry and agriculture; the state social insurance system; economic policy of Gaullism; the transition to the “open economy”

For citation: Khudokormov A.G. “Economic miracle” in France: Formation and results of the dirigisme model in 1944–1973. *Mir novoj ekonomiki = World of the New Economy*. 2019;13(2):55–69. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-55-69

ВВЕДЕНИЕ

После Второй мировой войны Франция переживала национальный кризис, выразившийся в расколе нации, утрате ценностей, разрухе и хаосе во всех сферах экономики. Материальные убытки составляли в период войны более четверти национального богатства, объем промышленного производства упал примерно на 60% от довоенного уровня, вдвое сократился выпуск сельскохозяйственной продукции, была разрушена транспортная система, особенно железные дороги. В стране бушевала инфляция. Преодолеть все эти негативные последствия позволила послевоенная социально-экономическая система централизованного демократического государства, непосредственно регулировавшего и направлявшего рыночные и иные экономические отношения. После Освобождения была проведена широкая национализация: угледобычи, газовой промышленности, электроэнергетики, авиапромышленности, машиностроительных заводов, крупных банков и др. Был введен французский вариант планирования, создан Генеральный комиссариат по планированию. К концу 1950-х гг. во Франции в основном сложилась национальная модель государственно-монополистического регулирования, которую принято называть дирижистской. Она предполагала максимально активное вмешательство государства в экономическую жизнь при сохранении господства частной собственности на средства производства. Определяющую роль на протяжении рассматриваемого периода играла система государственного индикативного планирования, которая заключалась в выработке и реализации среднесрочных общенациональных планов модернизации и развития хозяйства. Такое планирование опиралось, во-пер-

вых, на обширный государственный сектор, а во-вторых, на государственную поддержку частных предприятий, которые в своей деятельности придерживались показателей плана. Система планирования во Франции оказывала позитивное воздействие на воспроизводственные процессы, стимулировала получение частных прибылей, материально поддерживала частные фирмы.

Государство регулировало отношения между профсоюзами и предпринимателями в общенациональном масштабе, создало разветвленную и надежную систему социального страхования и обеспечения с опорой на столь же развитую систему государственных социальных услуг. Важную роль в возрождении страны сыграл видный политический деятель Франции Шарль де Голль, который вывел ее на путь экономического процветания. В 1958–1973 гг. французская экономика демонстрировала самые высокие темпы роста в своей истории. Проводился курс на развитие практически всех отраслей промышленности, с приоритетным вниманием к отраслям, определяющим научно-технический прогресс. Франция стала третьей в мире ядерной державой после США и СССР, была создана атомная электроэнергетика, быстро росли технически передовые отрасли — автомобильная, авиационная, химическая, нефтеперерабатывающая, радиоэлектроника. В сельском хозяйстве государство поддерживало крупные фермы, выдавая льготные кредиты на покупку новой техники и дополнительных земельных участков, стимулировало комплексную механизацию земледелия и животноводства. В 1960-е гг. Франция занимала 2-е место в мире после США по стоимости вывоза сельскохозяйственной продукции (молочных продуктов, зерновых, вина, цветов и т.д.). К кон-

цу указанного периода под влиянием международной конкуренции (особенно внутри «общего рынка»), процессов создания транснациональных корпораций французское планирование постепенно утрачивало отраслевые аспекты, становилось «рамочным», ориентативным, с опорой на общие макроэкономические показатели.

За истекшие с начала 1970-х гг. десятилетия французская модель экономики трансформировалась в направлении ослабления централизованных и усиления рыночно-конкурентных начал. За счет приватизации сократился государственный сектор, перестали составляться общенациональные индикативные планы, предпринимались попытки ограничить государственную систему социального обеспечения и страхования. Однако некоторые основы дирижистской модели сохраняются до сих пор. Это относится, прежде всего, к сильному и развитому сектору государственных социальных услуг. Специфическая национальная модель позволила Франции не только добиться успехов в послевоенном восстановлении экономики, но и превратила ее из резко ослабленной, отсталой и ограбленной страны в экономически развитую, занимающую одну из ключевых позиций в мире.

Видный французский экономист Жак Фурастье назвал период бурного экономического роста во Франции после 1944 г. «славным тридцатилетием». Рассмотрим основные этапы указанного периода, начиная с Освобождения до конца эпохи голлизма.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ

13 мая 1940 г. войска фашистской Германии вторглись на территорию Франции. Менее чем через шесть недель — 22 июня 1940 г. Франция капитулировала. Акт о капитуляции (новое «Компьенское перемирие») был подписан в Компьенском лесу под Парижем, т. е. в том самом месте, где маршал Фош в ноябре 1918 г. принял сдачу германских войск в Первой мировой войне.

Условия капитуляции стали унижением Франции. Северные и северо-восточные регионы, включая Париж, а также все Атлантическое побережье подлежали германской оккупации. В южной части страны создавался коллаборационистский вишистский режим (по названию курортного го-

родка Виши — формальной столицы Вишистской Франции).

Уже осенью 1940 г. от Франции были вновь отторгнуты Эльзас и Лотарингия. На нее возлагались огромные оккупационные расходы (от 400 до 550 млн франков в день). В пользу фашистской Германии изымались промышленные товары, продукты питания, лучшее оборудование. Уже к январю 1941 г. стоимость изъятого имущества достигала 25 млрд франков [1, с. 230].

В стране действовало движение Сопротивления. Освобождение пришло после высадки англо-американских войск в Нормандии (июнь 1944 г.) и на юге Франции (август 1944 г.). К этому времени в истории Второй мировой войны уже произошел коренной перелом, обеспеченный в первую очередь победами советских войск под Сталинградом и Курском.

Общие потери Франции во Второй мировой войне заметно отличались от потерь в Первую мировую войну. Так, за весь период 1939–1945 гг. французских военнослужащих погибло около 200 тыс., тогда как в 1914–1918 гг. погибших французских военных было примерно 1 млн 300 тыс., т. е. в 6,5 раза больше. Именно за эту «разницу» страна заплатила четырехлетней фашистской оккупацией. Напротив, среди гражданского населения Франции во Вторую мировую войну жертв оказалось намного больше: 400 тыс. погибших в 1939–1945 гг. против 160 тыс. в 1914–1918 гг. Множество гражданских лиц пострадало от бомбежек и массовых депортаций. Известно, например, что из Лотарингии гитлеровцами было изгнано 500 тыс. французов, а из Эльзаса — 120 тыс. [1, с. 230]. Сотни тысяч граждан Франции были мобилизованы для работы в Германии.

Кроме того, во Вторую мировую войну гражданское население гибло не только от бесчинств германских фашистов, но и от репрессий со стороны французских коллаборационистов, т. е. на всей территории страны. Численность погибших среди гражданских лиц в период Второй мировой войны вдвое превышала количество погибших среди военных, тогда как в годы Первой мировой войны гражданские потери были намного меньше числа военных жертв.

Более значительными оказались материальные разрушения. Они также затронули всю территорию страны, ставшую объектом нацистского грабежа, а не только северные и северо-восточные регионы, как в 1914–1918 гг. По имеющимся оцен-

кам, материальные убытки составляли в период Второй мировой войны более четвертой части национального богатства Франции против одной десятой в Первую мировую войну [2, с. 205].

Непосредственно после Освобождения объем промышленного производства Франции равнялся лишь 38% от довоенного уровня. Было повреждено 195 500 промышленных предприятий. В 4 раза упала добыча угля. Из 101-й доменной печи в конце войны работало лишь 7. Были разрушены многие электростанции, почти все судостроительные верфи, 80% мощностей нефтепереработки.

Примерно вдвое сократился выпуск сельскохозяйственной продукции. Считается, что он упал сильнее, чем в Первую мировую войну. Но особенно пострадал транспорт, в первую очередь — железнодорожный. Из строя было выведено примерно 2/3 всех транспортных средств. Были разрушены сотни километров железных дорог, несколько сотен мостов. Кроме того, Франция лишилась почти всего военного и торгового флота.

В глубоком кризисе находились государственные финансы, подорванные массовой эмиссией. В 1945 г. количество бумажных денег в обращении выросло в 6 раз по сравнению с уровнем 1938 г. [3, с. 310]. В стране бушевала инфляция, ставшая главным фактором резкого снижения уровня жизни народа.

Таким образом, хотя формально Франция находилась среди стран-победительниц, в действительности она вышла из Второй мировой войны резко ослабленной, отсталой и ограбленной. На короткий срок основой экономики страны вновь стало парцеллярное, основанное на ручном труде сельское хозяйство. Многолетняя работа французской промышленности на фашистскую Германию (часто на износ), отсутствие в течение шести военных лет затрат на обновление машинного парка, предшествующая депрессия 1930-х гг. — все это обусловило беспрецедентное старение промышленного аппарата. Кризис испытывала колониальная система, находившаяся на грани распада. После уплаты военных долгов и в результате национализации в странах Восточной Европы были окончательно подорваны позиции Франции как международного ростовщика. Объем французских зарубежных вложений в сравнении с довоенным периодом уменьшился наполовину, а по сравнению с 1913 г. — в 10 раз [3, с. 310].

В июне 1944 г. было образовано Временное правительство Франции во главе с организатором

Движения Сопротивления генералом Шарлем де Голлем. Помимо голлистов, в него вошли представители левых партий: коммунисты, социалисты и левые католики. Так возник Временный режим, просуществовавший вплоть до принятия Конституции Четвертой республики осенью 1946 г.

В этот период ось политической и экономической жизни страны резко сдвинулась влево. Автор современной «Экономической истории Франции» Ж.-Ш. Асслэн указывает, что «после Освобождения Францию, и не только левых, охватил антикапиталистический дух, размах которого сегодня трудно вообразить» [2, с. 206]. По словам самого де Голля, большинство бывших «правителей и привилегированных» было «дисквалифицировано» своей деятельностью в рамках режима Виши. И, напротив, резко возрос престиж Французской коммунистической партии, внесшей значительный вклад в дело Сопротивления. На парламентских выборах после Освобождения ФКП неизменно получала более четверти всех голосов, больше, чем любая другая политическая партия Франции. Впервые в истории представители французских коммунистов входили в состав правительства и даже занимали в нем несколько влиятельных постов¹.

Первостепенной задачей правительства стало быстрое восстановление экономики, так называемая «битва за производство». Симптоматично, что лидеры Всеобщей конфедерации труда, насчитывающей 5,5 млн членов, а также руководство компартии незамедлительно и без всяких оговорок включилось в эту борьбу. В одном из выступлений перед французскими шахтерами (июль 1945 г.) руководитель ФКП Морис Торез, в частности, заявил: «Производить, производить и еще раз производить, добывать уголь — это сегодня высшая форма вашего классового долга, вашего долга как французов».

Сославшись на это заявление, Ж.-Ш. Асслэн напоминает далее, что по окончании Первой мировой войны (в 1919 и 1920 гг.) вся Франция была буквально захвачена забастовками. Но после Освобождения и вплоть до удаления коммунистов из правительства (в мае 1947 г.) забастовок практически не было [2, с. 205]. Это

¹ Так, в правительстве, образованном осенью 1945 г., коммунисты возглавили министерства вооружения, экономики, промышленного производства и труда, а лидер ФКП Морис Торез стал заместителем председателя Совета министров (государственным министром) Франции.

обстоятельство в определенной мере способствовало тому, что «битва за производство» была Францией выиграна.

В период после Освобождения под давлением левых сил во Франции были осуществлены важнейшие структурные реформы. На первом месте здесь должна быть упомянута широкая национализация. В 1944–1945 гг. во французской экономике были национализированы угледобыча, газовая промышленность, электроэнергетика, авиапромышленность, машиностроительные заводы «Рено», эмиссионный центр страны — Французский банк, четыре крупнейших депозитных банка², сберегательные кассы и несколько страховых компаний.

В промышленности государственный сектор охватил примерно 1/5 всех производственных мощностей. Были организованы государственные компании «Шарбоннаж де Франс», «Газ де Франс», «Электрисите де Франс». Позднее возникли смешанные государственно-частные фирмы в сфере воздушного и водного транспорта.

Послевоенная национализация во Франции охватила более широкий сектор экономики, чем в соседней Великобритании. В административные органы государственных предприятий входили представители наемного персонала. Профсоюзы получили более широкие права в области найма и увольнения. Национализация проводилась на компенсационной основе, однако коллаборационист Луи Рено за утраченную собственность никакой компенсации не получил.

Как показали последующие события, национализация не стала социалистической мерой. Однако для французского правительства она превратилась в важнейший путь борьбы за восстановление экономики, эффективный инструмент быстрой модернизации базовых отраслей [2, с. 207].

Это же в значительной мере относится и к такой структурной реформе, как введение французского варианта планирования. Уже в 1946 г. во Франции был создан Генеральный комиссариат по планированию во главе с французским предпринимателем и государственным деятелем Жаном Монне. Первый план «модернизации и оснащения» (план Монне) был принят в январе 1947 г., на период до 1950 г. (впоследствии он был продлен

до 1952 г.). План содержал прямые установки, прежде всего — для базовых промышленных отраслей, по производству электричества, угля, стали, цемента, сельскохозяйственного оборудования, а также для транспорта. Опорой для его реализации стали предприятия государственного сектора. По отношению к ним указания плана были довольно жесткими, но в отношении частных фирм — только ориентативными, «указательными». Отсюда общее название планификации по-французски — «индикативное планирование» (от глагола *indiquer* — указывать). «План Монне» превратился в еще один рычаг оздоровления французской экономики. Его результативность во многом объяснялась тем, что в период его функционирования государство контролировало от половины до двух третей всех инвестиций в народном хозяйстве Франции [2, с. 207].

Рассуждая о послевоенных преобразованиях, нельзя не упомянуть о сдвигах в социальной области, большинство из которых было также выдержано в левореформаторском духе. Постепенно восстанавливалась 40-часовая рабочая неделя. Часы, отработанные сверхурочно, должны были оплачиваться по повышенному тарифу. В социальную практику возвращались двухнедельные отпуска для рабочих и трехнедельные — для служащих. Существенно (более чем на 50%) увеличивалась номинальная заработная плата, почти вдвое выросли пенсии и семейные пособия. Согласно декрету 1945 г. и закону 1946 г. была сформирована единая государственная система социального страхования, которая распространялась на все категории лиц наемного труда, кроме работников аграрного сектора. За трудящимися закреплялось право на пенсию по старости (с 65 лет) и по инвалидности. Вводились пособия по безработице, по болезни, по беременности, выплаты на рождение и содержание детей. Ставки семейных пособий устанавливались на уровне, превышавшем уровень 1938 г. Ресурсы системы социального страхования формировались частично за счет взносов самих трудящихся (6% от заработка), частично за счет отчислений работодателей (10% от фонда заработной платы).

Помимо этого, в восстановительный период и в последующие годы началось строительство недорогого жилья, доступного трудящимся. Начиная с 1946 г. определенные социальные льготы получили сельские жители. Им предоставлялись льготные кредиты для восстановления разрушен-

² Национализации подверглись банки: Лионский кредит, Национальная учетная контора, Генеральное общество, Национальный торгово-промышленный банк.

ных войной хозяйств, а молодым парам — для первичного хозяйственного обзаведения. Небольшие пенсии стали выплачиваться престарелым крестьянам. Немаловажно и то, что именно левоцентристское правительство во главе с де Голлем впервые в истории страны предоставило право участия в общенациональных выборах женщинам [4].

В мае 1947 г. депутаты-коммунисты проголосовали против доверия правительству в связи с его отказом удовлетворить требования рабочих о повышении заработной платы. Это стало предлогом для удаления представителей ФКП из состава правительственной коалиции. Процесс национализации был приостановлен.

По соглашению от 28 июня 1948 г., к Франции были применены меры, предусмотренные планом Маршалла. В результате действия Плана Маршалла американские кредиторы получили широкие возможности оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику Франции, в том числе экономическую. Советники из США могли определять, какие секторы экономики Франции являются «экономически рациональными», а какие — не обладают этим качеством. Крупнейшие американские компании — нефтеперерабатывающие, электротехнические и автомобильные — могли беспрепятственно скупать французские предприятия, образовывать во Франции свои филиалы и дочерние фирмы. Они же получили доступ к сырьевым ресурсам французских колоний. Правительственные органы США контролировали внешнеэкономическую деятельность Франции, структуру ее экспорта и импорта. Особая статья соглашений предписывала французскому правительству предоставлять США полную информацию об экономическом развитии страны.

Казалось, речь идет об ущемлении национального суверенитета. В какой-то мере, так оно и было. Тем не менее правящие круги Франции и особенно французские предприниматели сумели повернуть действие Плана Маршалла в свою пользу. Американские кредиты, поставки технологически передового оборудования были использованы для фундаментального переоснащения аппарата французской промышленности. В будущем это позволило неуклонно освобождаться от устаревших мощностей и машинного парка, повышать эффективность производства.

Относительно небольшие людские потери в войне, общенациональная поддержка «битвы за

производство», глубокие социально-экономические реформы, позднее — помощь извне по плану Маршалла — все это способствовало быстрому восстановлению французской экономики. Уже в 1948 г. был достигнут уровень производственного выпуска 1938 г., а более высокий пик 1929 г. превзойден в 1949 г. [2, с. 209]. Трудно восполнявшееся потери сельское хозяйство восстановилось к 1950 г. Франция подготовилась к новому этапу развития.

1950-Е ГГ.: УСКОРЕННЫЙ РОСТ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Последующее десятилетие 1950-х гг. стало периодом ускоренного и почти непрерывного роста. Положительные итоги на макроуровне наблюдались даже в самый неудачный 1953 г. Затем темпы роста еще более возросли. Второй общенациональный план (1954–1957 гг.) поставил перед французской экономикой задачу достичь 6%-ного ежегодного увеличения национального дохода. И эта задача оказалась выполненной. За 1952–1958 гг. продукция промышленности и строительства увеличилась на 47%, а само промышленное производство (без строительства) — на 52%³.

На фоне показателей других капиталистических стран (ФРГ, Японии, Италии) цифры прироста выглядели не столь впечатляюще. Как указывает Ж.-Ш. Асслэн, никто не писал тогда о «французском экономическом чуде». Но для самой Франции десятилетие 1950-х гг. оказалось во многом переломным. В стране началась быстрая модернизация, которая коснулась всех отраслей народного хозяйства.

В промышленности имело место беспрецедентно быстрое, скачкообразное обновление и расширение основного капитала. Спрос на новое оборудование, машины и станки в некоторых отраслях не удовлетворялся с окончания Первой мировой войны, а иногда — и с начала XX в. Под влиянием отложенного спроса в середине 1950-х гг. общий объем ежегодных инвестиций вырос, по сравнению с межвоенным периодом, в 2,5 раза. Именно тогда среди французских предпринимателей родился лозунг: «Модернизировать или умереть». Осознав невозможность обогащения прежними ростовщическими методами, деловые круги Франции стали уделять первостепенное

³ История Франции. Т. 3. С. 373.

внимание переоснащению производственного потенциала [3, с. 312].

Локомотивами экономического роста Франции стали отрасли тяжелой индустрии. Они концентрировали до 90% всех капиталовложений в промышленность. Особенно быстро обновлялось оборудование в машиностроении (прежде всего в автомобиле- и самолетостроении, производстве станков и приборов), модернизировались металлургия, электротехника, химия, нефтепереработка, создавалась атомная промышленность — впервые в истории. К новейшим отраслям относились также радиоэлектроника и производство полимеров.

Открытие крупных запасов природного газа на юго-западе Франции и сахарской нефти в Алжире создало базу для обновления топливно-энергетического комплекса страны.

Медленнее развивались традиционные отрасли: текстильная, швейная, пищевая, кожевенная. Однако модернизация наблюдалась и здесь. В итоге к концу периода Четвертой республики (1958 г.) объем промышленной продукции вдвое превышал довоенный уровень [3, с. 312].

1950-е гг. стали рубежным десятилетием и для сельского хозяйства Франции. Долгие годы аграрный сектор был средоточием технологической и социальной отсталости. Укоренилось мнение, будто бы в сельском хозяйстве невозможно добиться прогресса, сравнимого с промышленным. Однако, вопреки предубеждениям, прирост сельскохозяйственной продукции с 1949 по 1962 г. побил все рекорды, достигнув на среднегодовом уровне 6,8% против 5,5% во всей французской экономике. Выдающиеся успехи были достигнуты за счет технического переоснащения. С 1950 по 1957 г. парк тракторов в сельском хозяйстве Франции утроился. По другим данным, к концу десятилетия он увеличился в 16 раз (в сравнении с первыми послевоенными годами) [2, с. 211]. Механизированный труд, наконец, возоблада над ручным. В 1950-е гг. вдвое выросло применение минеральных удобрений. Средняя урожайность, продуктивность животноводства приблизились к лучшим показателям аграрных хозяйств Европы.

Парцеллярная система изживалась весьма болезненно. По переписи 1954 г., 57% крестьянских хозяйств владели менее чем 10 га земли, 38% — от 10 до 50 га [1, с. 324]. Примерно 80% мелких и мельчайших хозяйств почти не пользовались тракторами. Но в целом роль аграрного сектора Франции в 1950-е гг. радикально изменилась:

из традиционного тормоза прогресса сельское хозяйство постепенно превращалось в одну из сильных сторон французской экономики [2, с. 211].

Более того, импульсы из аграрной сферы способствовали ускоренной модернизации. В динамичную отрасль превратилось сельскохозяйственное машиностроение, практически отсутствовавшее в межвоенный период. Сокращение аграрной занятости (почти на 1% ежегодно) косвенно способствовало прогрессу не только в промышленности, но и в сфере услуг, хотя доля промышленного сектора в общей занятости возрастала быстрее всего [2, с. 211].

Экономический рост после Второй мировой войны происходил параллельно с демографическим ростом, причем оба процесса взаимно дополняли и поддерживали друг друга. Согласно имеющимся данным в 1950–1951 гг. во Франции доля семей, имеющих троих и более детей, возросла до 38% в сравнении с 27% в период 1920–1924 гг. Доля же бездетных семей и семей с одним ребенком, напротив, уменьшилась с 46 до 31%.

В послевоенный период регулярно сокращались показатели смертности. В итоге размеры естественного прироста, практически отсутствовавшего в межвоенный период, составили в 1946–1962 гг. 0,8% в год, это обусловило увеличение населения всей страны примерно на 15% (с 40,1 до 46,2 млн человек). Как утверждает Ж.-Ш. Асслэн, «это был самый быстрый рост в демографической истории Франции» [2, с. 208].

Но не все в интересующее нас десятилетие достойно мажорной оценки — 1950-е гг. были одновременно годами интенсивной милитаризации французской экономики. В 1949 г. Франция вступает в военный блок НАТО, в 1954 г. — в СЕАТО. Кроме того, она ведет непрерывные колониальные войны: сначала — за удержание Индокитая (1946–1954 гг.), а затем — Алжира (1954–1962 гг.). По доле военных расходов в национальном доходе Франция занимала в конце 1950-х гг. 2-е место среди стран — участниц НАТО, пропуская вперед только США [1, с. 406].

Военные расходы тяжелым грузом легли на бюджет страны. В 1950-е гг. платежный и внешне-торговый балансы Франции регулярно сводились с крупным дефицитом. В 1951–1952 и 1956–1957 гг. французская экономика перенесла две инфляционные волны. В результате к 1957 г. общий индекс цен примерно в 25 раз превысил довоенный уровень, тогда как максимальная заработная плата

увеличилась лишь в 21 раз. В 1948 г. французский франк подвергся очередной девальвации (на 44%), а в 1958 г. — еще на 17,5%. Всего с 1928 по 1958 г. франк девальвировался в 12 раз, а его золотое содержание уменьшилось на 99,38% [1, с. 406].

Но нет худа без добра: обесценившаяся национальная валюта не могла более обслуживать ростовщические операции французских буржуа — номинальные доходы на ценные бумаги сплошь и рядом не успевали за ростом цен. Неизбежной стала дальнейшая производственная переориентация французского капитализма.

ФРАНЦУЗСКИЙ ДИРИЖИЗМ

Модернизация производственного базиса Франции сопровождалась ростом концентрации производства и капитала, усилением позиций крупнейших корпораций. Так, в автомобилестроении доминирующие позиции заняли четыре компании: государственная «Рено», «Пежо», «Ситроен» и «СИМКА». Французская автомобильная промышленность заняла 4-е место в мире по объему выпуска после США, ФРГ и Великобритании. В 1958 г. было произведено 1127 тыс. легковых автомобилей и грузовиков. Примерно треть выпущенной продукции шла на экспорт.

Однако по общим показателям концентрации производства Франция все еще отставала от ведущих капиталистических стран. В традиционных, старых отраслях (текстильной, швейной, пищевой), отчасти в машиностроении сохраняло позиции мелкое производство. Согласно переписи 1954 г., предприятия с числом занятых менее 50 человек составляли во Франции 96% от общего числа всех предприятий [1, с. 374].

Унаследованную от ростовщического прошлого слабость производственной базы французский патронат (крупная буржуазия) пытался преодолеть за счет активного вмешательства государства в экономику. В отличие от верхушки американского бизнеса крупнейшая французская буржуазия не противопоставляла себя государству, а стремилась опереться на него, использовать его экономическую мощь для укрепления собственных позиций. Этому помогли исторические традиции Франции, выдающаяся роль, которую сыграли в развитии французского предпринимательства такие государственные деятели, как Кольбер и Наполеон Бонапарт, а позднее — де Голль.

К концу 1950-х гг. во Франции в основном сложилась национальная модель государственно-

монополистического регулирования, которую принято именовать дирижистской⁴. Французский дирижизм стал особой системой вмешательства государства в экономическую жизнь страны, т.е. такого максимально активного вмешательства, которое еще возможно при сохранении господства частной собственности на средства производства и капитализма в целом.

В отличие от кейнсианских рецептов регулирования, господствовавших в США и Великобритании, и от неолиберальной модели ФРГ, французские дирижисты признавали необходимость государственного интервенционизма не только в сфере обращения и перераспределения доходов, но и непосредственно в сфере производства.

Важнейшим рычагом дирижистского регулирования во Франции стал окончательно сложившийся к концу 1950-х гг. государственный сектор экономики. В 1958 г. в государственной собственности находилось 97% всей угледобычи в стране, 95% добычи газа, 80% выработки электроэнергии, такая же доля авиационного производства, около 40% выпуска автомобилей. В государственный сектор входили также все железные дороги, парижский городской транспорт. Государству принадлежали части акций нефтяных компаний, компаний морского транспорта, значительная доля авиационной компании «Эр Франс», военные предприятия. Всего государственная собственность охватывала 36% национального имущества Франции. На государственных предприятиях создавалось около 13% общего объема ВНП; здесь работали около 1 млн человек.

Другим рычагом дирижистского регулирования стало индикативное планирование. В 1950-е гг. среднесрочные французские планы претерпели определенную эволюцию. Если первый послевоенный план (1947–1952 гг.) нацеливался, прежде всего, на восстановление и модернизацию национализированного сектора, то во втором (1954–1957 гг.) и третьем (1958–1961 гг.) планах основное внимание сосредотачивалось на поддержке конкурентоспособности частных фирм.

Французские планы реализовывались не по всем параметрам. Однако они не стали «программированием иллюзий», как думали некоторые. В условиях высокой конъюнктуры 1950-х гг. французское индикативное планирование оказывало

⁴ Дирижистская модель (дирижизм), от французского глагола *diriger* — управлять, т.е. модель жестко управляемой экономики.

позитивное воздействие на воспроизводственные процессы.

В структуру планов обязательно встраивался механизм стимулирования частных прибылей. Французские предприниматели могли рассчитывать на ряд льгот, если они следовали установкам государственного плана.

Правительство Франции через механизм планирования оказывало поддержку частному бизнесу, в том числе за счет прочных позиций в кредитно-денежной сфере. Как уже отмечалось, государству во Франции принадлежали эмиссионный Французский банк и четыре крупнейших депозитных банка, которые контролировали около половины всех банковских ресурсов страны и такую же долю наличного денежного оборота. Дополнительно в руках государства находилось более 30% всех страховых компаний, контролировавших примерно 60% всех страховых фондов страны [1, с. 376]. В ходе реализации специальных контрактов между правительством и компаниями государственные органы осуществляли финансирование приоритетных проектов, особенно в военной промышленности, атомной энергетике и других отраслях.

Совокупная помощь, оказанная государством частным фирмам с 1948 по 1959 г., оценивается внушительной суммой в 42,5 млрд франков. Примерно половина указанных средств распределялась в форме долгосрочных льготных кредитов. И более 1/3 было выделено через механизм льготных пониженных тарифов и цен на товары и услуги предприятий государственного сектора [3, с. 313]. Забегая вперед, отметим, что вплоть до 1980-х гг. французское правительство осуществляло контроль над ценами, объемом и структурой кредитования экономики, общими потоками капиталовложений, причем в таких объемах, каких не знала ни одна другая западноевропейская страна.

Нельзя не сказать о том, что уже в начале 1950-х гг. в руководящих кругах Франции возникли идеи о желательности и даже неизбежности включения этой страны в процессы экономической интеграции. Уже в мае 1950 г. министр иностранных дел Французской Республики Робер Шуман сформулировал план, названный позже его именем, о формировании наднациональной организации по координированию производств угля и стали в Западной Европе. В апреле 1951 г. было подписано соглашение о создании

Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Кроме Франции в него вошли ФРГ, Нидерланды, Бельгия, Люксембург и Италия. В 1953 г. соглашение вступило в силу. Члены ЕОУС договорились постепенно снижать, а затем и отменить внутренние таможенные тарифы на сталь и уголь. Руководящие органы объединения обладали наднациональными функциями, их постановления были обязательными для стран-участниц. По существу, создавался совместный общий рынок для важнейших видов промышленной продукции. Это создавало предпосылки для более радикального перехода в будущем от протекционизма к «открытой экономике».

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОЛЛИЗМА. ПЕРЕХОД К «ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКЕ»

На рубеже 1950–1960-х гг. в общественной жизни Франции произошли крупные перемены. Ультраправые военные мятежи в Алжире и на Корсике (май 1958 г.) обнажили слабость прежних политических институтов. К этому рубежу Франция подошла, имея в недавнем прошлом ряд неудач в колониальных войнах, правительственную «чехарду», расстроенную валютную систему, напряженность в социальной сфере. Страна вынужденно расставалась с прежним политическим режимом и переходила от парламентарной к президентской форме правления.

28 сентября 1958 г. на референдуме была утверждена Конституция Пятой республики. Политическая система Франции обретала заметные авторитарные черты, президент страны получал беспрецедентно широкие полномочия.

Ни для кого не являлось секретом, что новая Конституция создавалась под определенного человека. С 1958 по 1969 г. пост президента Франции занимал генерал Шарль де Голль, наиболее выдающийся (как теперь видно) политический деятель Франции XX столетия.

Шарль де Голль (1890–1970 гг.) родился в знатной аристократической семье. Один из его предков участвовал в освободительных походах Жанны д'Арк. Французы знали его как генерала, сражавшегося против фашистских захватчиков, основателя движения «Свободная Франция». В 1960-е гг., не опускаясь до примитивного национализма, де Голль сумел в своей практике поставить интересы Франции на первое место. Именно он возвратил своей стране престиж мировой державы, многое

сделал для разрядки напряженности между Западом и Востоком. Де Голль дважды (в 1944–1946 и 1958–1969 гг.) в трудное время возглавлял страну и дважды выводил ее на путь экономического процветания.

Основным направлением экономического курса голлистской администрации стало поощрение дальнейшего промышленного роста и укрепление монополистической структуры экономики Франции. Промышленная экспансия стимулировалась, прежде всего, за счет поддержания рекордных для страны ставок инвестирования. В 1950-е гг. норма капиталовложений была несколько меньше 20% ВВП, а в 1965–1973 гг. в среднем достигала уже 24,7% [2, с. 463]. Интенсивное обновление основного капитала обеспечивало быстрое увеличение производительности труда. Ежегодные темпы роста этого показателя за 1960–1979 гг. составили во Франции 4,93%, что было значительно выше, чем в США (2,00%), Великобритании (2,86%), немного больше, чем в ФРГ (4,36%), но ниже, чем в Италии (6,25%) [3, с. 418].

По мнению Ж.-Ш. Аслэна, в период с 1958 по 1973 г. французская экономика демонстрировала самые высокие темпы роста в своей истории. К концу указанного периода (1968–1973 гг.) индекс годового роста на один пункт превышал прежние рекордные показатели 1950-х гг. Темпы роста были не только стремительными, но и устойчивыми: после 1960 г. и до 1973 г. они ни разу не упали ниже 5% в год [2, с. 221].

Голлистское правительство руководствовалось концепцией «индустриального императива», т. е. фронтального развития практически всех отраслей французской промышленности. Курс на универсализм индустриальной системы не исключал приоритетного внимания отраслям, определяющим научно-технический прогресс. Руководство страны вкладывало немалые средства в ракетно-космический комплекс. В феврале 1960 г. Франция стала третьей в мире ядерной державой после США и СССР. Еще раньше, в 1957 г., на французской территории началось сооружение первых четырех атомных электростанций. Начиная с 1960-х гг. атомная электроэнергетика регулярно наращивала долю в общем энергетическом балансе страны. В целом технически передовые отрасли — автомобильная, авиационная, химическая, нефтеперерабатывающая — росли быстрее, чем традиционные — текстильная, пищевая, обувная, швейная и некоторые «тяжелые отрасли»

(металлургическая и станкостроительная). К концу 1960-х гг. радиоэлектроника по стоимости выпуска обогнала угольную промышленность, еще недавно ведущую отрасль французской индустрии [3, с. 314].

Еще одним направлением экономической политики голлизма стал курс на смягчение территориальных диспропорций. Последние проявлялись, прежде всего, в чрезмерно высоком сосредоточении французской индустрии в Парижском районе и непосредственной близости от него — с одной стороны, и явно недостаточном промышленном оснащении французской периферии — с другой. Указанная проблема, в свою очередь, порождала демографические диспропорции, что проявлялось в крайне неравномерном расселении французов по территории страны (контраст между Парижской агломерацией и периферийной «пустыней»).

В целях смягчения диспропорций новые производства размещались в первую очередь на окраинах страны: аэрокосмический комплекс — около Тулузы, ядерный — вблизи Гренобля, центры электроники — в Бретани. Новейшие портово-промышленные комплексы сооружались в регионах Марселя и Западного побережья.

В сельском хозяйстве правительство поддерживало крупные, конкурентоспособные фермы путем выдачи льготных кредитов на покупку новой техники и дополнительных земельных участков. Сохранялись и мелкие фирмы, работающие на рынок, — за счет узкой специализации в производстве продуктов «для гурманов». Но в целом прежняя проблема мелкотоварного parcelного хозяйства, основанного на ручном труде, была решена. Таких хозяйств оставалось все меньше, в любом случае не они определяли теперь лицо аграрного сектора Франции. Страна переходила к комплексной механизации, применению системы машин, как в земледелии, так и в животноводстве. Положительный эффект дала государственная пропаганда наиболее эффективных агротехнических приемов, распространение лучших семян, высокопродуктивных пород скота (проекты «фабрика-ферма», «ферма-пилот»).

Основной проблемой оставались «ножницы цен» между продукцией аграрного сектора и агробизнеса: рост цен на сельскохозяйственную продукцию часто не поспевал за прецедентами на химические удобрения, инсектициды, сельскохозяйственные машины, стройматериалы. Острой проблемой по-прежнему являлся «исход»

сельского населения в город. В 1960-е гг. ежегодно французскую деревню покидали от 120 до 150 тыс. жителей. Население села старело. Повышался средний возраст сельских жителей, так как молодежь все чаще выбирала занятие, не связанное с сельским трудом.

Но в целом прогресс был налицо. В 1960-е гг. Франция превратилась в крупного поставщика молочных продуктов и вина на внешний рынок, она являлась единственной страной в Западной Европе, экспортирующей зерновые. Франции принадлежало 2-е место в мире по стоимости вывоза сельскохозяйственной продукции (после США). Изобилие и разнообразие высококачественных продуктов поддерживали ресторанный бизнес, сферу туризма.

Катализатором структурных изменений послужило участие Франции в общеевропейской экономической интеграции после вступления ее в 1957 г. в «Общий рынок» (Европейское экономическое сообщество, ЕЭС). Уже с 1 января 1959 г. на 30% были снижены таможенные тарифы в торговле с пятью остальными членами ЕЭС — ФРГ, государствами Бенилюкса и Италией. Одновременно на 20% был увеличен объем квот на импорт. Последующие меры по либерализации внешнеэкономических связей между странами, подписавшими Римский договор 1957 г., реализовывались с опережением графика. К 1 июля 1962 г. взаимное снижение таможенных пошлин на промышленные товары достигло 50% (от уровня 1958 г.). Полная отмена таможенных тарифов произошла 1 июля 1968 г. Более того, с 1962 г. действовала общая сельскохозяйственная политика для стран Сообщества, которая предусматривала установление гарантированных цен и субсидий на важнейшие товары аграрного сектора [2, с. 216].

Вступление Франции в «Общий рынок» поставило французские фирмы в условия более жесткой международной конкуренции. Проявляя заинтересованность в повышении конкурентоспособности французских фирм, голлистское правительство всемерно поощряло монополистическую концентрацию. В 1960-х гг. эти процессы приняли взрывной характер. Согласно данным известного российского экономиста Л. И. Глухарева, в 1948 г. во Франции были зарегистрированы только восемь различного рода объединений и слияний, в 1957 г. их было уже приблизительно 500, в 1964 г. — около 1000, а в 1962 г. — примерно 1500. Как пишет Л. И. Глухарев, «число слияний за

пять лет (1960–1965 гг.) было равно их числу за предыдущие 36 лет» [5].

Если в предыдущее десятилетие (1950-е гг.) объединялись преимущественно мелкие и средние фирмы, то затем типичными стали поглощения небольших компаний крупными. С середины 1980-х гг. началось объединение самих промышленных монополий. Таким путем образовывались крупнейшие промышленные группы Франции «Пешине-Южин-Кюльман» (цветная металлургия, химия), «Сен-Гобен-Понт-а-Муссон» (производство стекла, стройматериалов). Если в 1960-е гг. 500 ведущих французских компаний осуществляли примерно 40% оборота производственной сферы, то в 1970-е гг. — уже около 60% [3, с. 314].

Несмотря на возрастающие размеры, отраслевые французские монополии уступали по экономической и финансовой мощи иностранным конкурентам. Поэтому во Франции стали создаваться финансовые группы. Они представляли собой объединения формально самостоятельных компаний под эгидой крупного банка или холдинга. На протяжении 1960-х гг. в экономике Франции сформировались четыре коалиции финансовых групп: вокруг банка «Париба», финансовой компании «Сюз», объединения «Лазаров и Шнейдеров» и группы Ротшильдов. Правительство использовало связи этих суперкоалиций для налаживания контактов с финансовой олигархией других стран [3, с. 315].

Интенсификация внешнеэкономических связей, процессы монополистической концентрации существенно повлияли и на практику французского индикативного планирования. В 1960-е гг. во французских индикативных планах официально провозглашался курс на создание фирм — гигантов европейского типа. Транснациональные монополии, в которые перерастали крупнейшие французские компании, стали тяготиться слишком жесткими для них дирижистскими методами прежнего программирования, так как они ориентировались на экономическую конъюнктуру ЕЭС и всего мирового хозяйства. Именно в 1960-е гг. внутри крупнейших фирм Франции созрела особая стратегия, согласно которой треть продукции должна была продаваться на национальном рынке, еще одна треть — на рынке ЕЭС и последняя — на рынке третьих стран. Реагируя на критику со стороны идеологов частного капитала, голлистское руководство недвусмысленно взяло курс на либерализацию планов, смягчение или отмену

«нормативных методов» вмешательства. Среди показателей планов резко уменьшилось число контрольных цифр, выраженных в натуральных объемах, и возросла численность стоимостных индексов. Французское планирование постепенно утрачивало отраслевые аспекты, становилось «рамочным», ориентативным, с опорой на общенациональные макроэкономические показатели.

Французское правительство и генерал де Голль лично умело играли на патриотических чувствах французов, подчеркивая особую роль Франции как суверенной великой державы. В 1960-х гг. голлистское руководство не поддержало планы форсирования наднациональных функций ЕЭС, полагая, что это дает односторонние преимущества западногерманским компаниям. Взамен выдвигался принцип «Европы Отечества». Франция в лице своих руководящих органов долгое время препятствовала вступлению в ЕЭС Великобритании, усматривая в ней проводника экономического влияния США. Идеологи голлизма (Жак Рюэфф и др.) требовали упразднить привилегии доллара как главной резервной валюты. В 1966 г. Франция вышла из военной организации НАТО.

Внешняя торговля Франции развивалась под воздействием двух основных факторов: перехода к «открытой экономике» в рамках «общего рынка» и окончательного распада французской колониальной империи. В течение 1954–1955 гг. Франция была вынуждена признать независимость своих владений в Индокитае. В 1956 г. была провозглашена независимость Туниса и Марокко. В 1958 г. добилась независимости Гвинея. В течение 1960 г., названного «годом Африки», от колониального гнета освободились сразу 15 бывших французских колоний. По Эвианским соглашениям (1962 г.) статус самостоятельного государства получила последняя крупная колония Франции — Алжир.

Несмотря на распад колониальной системы, правительство Франции сумело сохранить валютную зону франка, сформированную еще в довоенный период. В рамках этой финансово-экономической группировки получившие независимость бывшие колонии Франции (в основном — африканские государства) поддерживали с ней устойчивые кредитно-финансовые связи, причем бывшая метрополия гарантировала младшим партнерам по валютной зоне свободную конвертируемость их национальных валют во франк по устойчивому курсу.

Тем не менее после обретения независимости прежними французскими колониями заметно снизилась их доля во внешней торговле Франции. И, напротив, резко возрос объем торговых связей Франции с высокоразвитыми капиталистическими странами, особенно внутри ЕЭС. В 1952 г. будущими партнерами по ЕЭС было закуплено всего 16% французского экспорта против 42% — странами зоны франка; а в 1970 г. эти доли диаметрально переменялись и составили соответственно 50 и 10%.

Заметно выросла также общая открытость французской экономики. Так, в 1950 г. доля экспорта в ВВП составляла 12,4%; в 1960 г. — изменилась незначительно (до 13%), однако в 1973 г. она существенно выросла и достигла уже 18,3% [2, с. 216]. Оценивая конкурентоспособность французских компаний, следует, видимо, признать ее весьма удовлетворительной.

Косвенно судить об этом можно по общему состоянию государственных финансов. Уже в 1959–1962 гг. Франции удалось погасить большую часть внешнего долга, в основном перед Союзными Штатами. Немаловажно, что валютные резервы страны увеличивались ежегодно до 1973 г. В указанный период только 1968–1969 гг., а также 1964 г. были годами-исключениями, когда стране не удалось сформировать положительный платежный баланс.

Структурные сдвиги в экономике значительно изменили социальную структуру французского общества. Удельный вес лиц, работающих по найму, в 1954–1974 гг. вырос с 65 до 80% общей численности активного населения. К десятилетней годовщине голлистского режима (1968 г.) Франция подошла, имея внушительное увеличение промышленного производства (58% за 10 лет). Однако жизненный уровень французов повышался медленнее (на 38% за десять лет по сравнению с 42% за предыдущее десятилетие) [1, с. 487]. Особенно трудно приходилось низкооплачиваемым слоям рабочих и служащих. С 1958 по 1967 г. минимальная гарантированная заработная плата увеличилась всего на 6%, тогда как средняя почасовая зарплата — на 32%. По мнению Ж.-Ш. Аслэна, это свидетельствовало о том, что неравенство доходов в ходе экономического роста имело тенденцию к возрастанию [2, с. 227].

Развертывание научно-технической революции приводило к тому, что негативные факторы (недостаточная материальная обеспеченность,

отсутствие гарантии занятости) распространились не только на занятых физическим трудом, но и на интеллигенцию. Еще в недавнем прошлом инженеры, врачи, учителя и др. имели ряд существенных привилегий по сравнению с рабочим классом. Однако в связи с НТР на работниках умственного труда в полной мере отразились законы воспроизводства наемной рабочей силы, характерные для капитализма.

Начиная с 1965 г. во Франции практически непрерывно росла безработица. В апреле 1968 г. в стране насчитывалось 500 тыс. полностью безработных и около 1 млн — безработных частично. Из 800 тыс. инженерно-технических специалистов 40 тыс. не имели работы. Число молодых людей среди безработных составляло не менее 150–200 тыс. [1, с. 488].

Все это явилось объективной основой драматических событий, которые Франция пережила в мае-июне 1968 г. Детонатором развернувшегося тогда массового забастовочного движения стали выступления студенческой молодежи, недовольной консервативными порядками в системе образования. Массовые выступления студентов в Париже и других городах проходили под леворадикальными лозунгами. С середины мая к студенческому движению присоединились рабочие и служащие. К концу месяца численность бастующих достигла 10 млн из общего числа 13–14 млн работавших по найму [1, с. 492].

Общенациональная забастовка побудила власти пойти на значительные уступки. Зарботная плата повысилась в среднем на 14%, несколько возросли пенсии и пособия, уменьшилась продолжительность рабочей недели. В уставные документы высших учебных заведений были внесены требуемые изменения. В целом же события мая-июня 1968 г. стали самым острым кризисом французского общества за весь послевоенный период.

Страх населения перед эксцессами, сопровождавшими массовые манифестации, обусловил временный сдвиг страны вправо. Это показали ближайшие парламентские выборы (23 и 30 июня 1968 г.). Однако уже 27 апреля 1969 г. на референдуме по вопросам реформы Сената и введения нового регионального деления Франции де Голль потерпел поражение. Референдум проводился по его инициативе и фактически завершился вотумом недоверия проводимой им политике. В результате де Голль покинул пост президента

Французской Республики, и с его уходом в истории Франции завершилась целая эпоха.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чем же французский опыт полезен России?

Прежде всего, отметим, что наша страна в 1990-е гг. перенесла «тяжелую болезнь», от которой не до конца оправилась до сих пор. Это относится в первую очередь к экономике. Если рассчитать средний процент прироста ВВП в России за 1991–2017 гг., он будет ниже 0,5% в год. Даже если исключить из указанного периода катастрофический этап кризиса 1991–1998 гг., когда общее падение ВВП составило около 40%, то и тогда среднегодовые темпы роста у нас будут намного ниже среднемировых.

Никогда еще за весь период статистических наблюдений наша страна в течение четверти века столь явно и резко не отставала от всего мира. И думать, что без серьезных радикальных изменений в экономике у нас все пойдет на лад, по меньшей мере, наивно.

В российской экономике много проблем, но главная из них — неудовлетворительное качество нашей предпринимательской и чиновничьей элиты. Наша бизнес-элита, в отличие от западной, добыла свое нынешнее богатство не за счет собственных «мозгов» или «зубов», а как дар свыше — от либеральной власти.

Наша страна подошла к реформам 1990-х гг. с населением, в котором подавляющее число составляли граждане со средним достатком, имевшие пусть небольшие, но все же значимые сбережения. В результате реформ 1990-х гг. большинство российского населения стало бедным, многие просто обнищали. Все трудовые сбережения исчезли в костре инфляции. А наверху образовалась вторая по численности в мире прослойка миллиардеров. Между первым и вторым состояниями нашего общества лежат годы, которые известный российский экономист Ю. Я. Ольсевич назвал «экономической гражданской войной».

Соответственно российскими бизнес-элитой и властью было воспитано наше высокое чиновничество. Оно привыкло жить не на зарплату, как полагается «рациональной бюрократии» (по Максиму Веберу), а за счет совсем других источников. Что касается российской бизнес-элиты, она согласна заняться НТП, но при условии крупных субсидий и гарантий со стороны государства. И этим она похожа на французских буржуа эпохи Кольбера.

Так чем же полезен для нас исторический опыт Франции?

Тем, что эта страна относительно недавно тоже пережила глубокую национальную катастрофу, совмещенную с бесплодием (в смысле экономической эффективности) и даже с национальным предательством значительной части правящей элиты. Я имею в виду годы Второй мировой войны, из которой Франция вышла ограбленной, с отсталой народнохозяйственной структурой и только формально числилась в составе держав-победительниц. Но в относительно короткие сроки (за 25–30 лет) Франция не только восстановила свой экономический потенциал, но и за счет рекордных темпов роста вновь вошла в клуб ведущих держав мира.

Все дело в том, что французский народ и его руководство в годы послевоенного «славного тридцатилетия» (выражение французского экономиста Жака Фурастье) совершили правильный выбор. Из всех моделей экономического и социально-политического развития Францией была выбрана модель жестко управляемой экономики, или дирижизма. Для Франции это означало «сочетание рыночной экономики с активной ролью государства, демократии с широкими полномочиями исполнительной власти, прежде всего президента, принадлежности к евроатлантическим структурам с независимым курсом на мировой арене» [6].

Конечно, для современной России нет необходимости слепо копировать французский образец. Но поучиться можно и, на наш взгляд, должно. Ведь дирижизм в экономике отнюдь не тождествен «мобилизационной модели». Дирижистская модель вовсе не ведет к массовому дефициту и очередям; напротив, сохраняя общую регулируемую роль рынка, она способствует быстрому наращиванию выпуска потребительской и инвестиционной продукции, как это действительно происходило во Франции в 1950–1960-е гг.

Дирижистская модель строилась на трех китах:

- сильный государственный сектор в промышленности и энергетике;
- сильные позиции государства в кредитно-банковской сфере;
- общенациональное индикативное планирование.

И то, и другое, и третье вполне совместимы с регулирующей ролью рынка. И все это, вместе взятое, вполне может быть дополнено сильной

регулирующей ролью государства в социальной сфере, что и было продемонстрировано Францией — страной, создавшей одну из самых передовых систем социальной защиты.

Дирижистская модель в значительной мере совмещает сильные стороны плановой хозяйственной системы с требованиями рыночной предпринимательской гибкости. Мировой опыт свидетельствует, что, вопреки нашим прежним представлениям, такое совмещение возможно. Более того, те страны, которые реализовали подобную хозяйственную стратегию, имеют высокие и очень высокие темпы экономического развития.

Надо ли говорить, что дирижистская модель больше отвечает ментальности российского населения, чем тот образец, что слепили по вашингтонским лекалам лидеры гайдари-чубайсовского блока, и чем быстрее мы освободимся от такого наследия, тем лучше.

Во Франции дирижизм излечил правящую элиту от многочисленных тяжелых недугов: от коллаборационизма, от ориентации на рантьеерское ростовщичество, от колониализма. Но в России обновленная модель сама по себе не возникнет. Она возможна лишь в результате действий и победы левореформаторских, левоцентристских сил⁵. Только в этом случае поменяется наша социальная элита. И только тогда уйдут в прошлое бегство от НТП, безбрежный социальный эгоизм и прочие отталкивающие «элитарные» характеристики.

Остается еще один трудный вопрос: не предлагаем ли мы для России модель, которая морально устарела? Ведь как указывают специалисты, для современной Франции дирижистская модель себя уже «исчерпала», и эта страна находится в поисках новой модели, «контуры которой еще не определились полностью» [6].

Но, во-первых, никто не призывает к бездумной реставрации французских порядков 1950–1960-х гг. Так, общенациональное индикативное планирование в России может использовать более совершенный аналитический, математический аппарат, совмещаться с межрегиональными планами, с планированием внутри отдельных регио-

⁵ Идеальная основа французского дирижизма создана экономистами институционально-социального направления (Ф. Перру, Дж. К. Гэлбрейт и др.). Данное направление выступало за максимум государственного регулирования и за максимальные уступки народным массам, которые еще возможны при сохранении капитализма.

нов РФ. Здесь важна сама идея, которую видный российский экономист Г.Н. Цаголов именуется «конвергенцией» плана и рынка, государственных и частнопредпринимательских начал.

И, во-вторых, сама дирижистская модель, конечно же, не вечна. От нее идут, по крайней мере, два пути. Франция после 1983 г., после отказа правительства Ф. Миттерана от «антикапитализма», пошла по пути поисков более эффективной буржуазной модели, и этот поиск еще не закончен. Но в истории Франции происходили также события иного плана, когда имели место попытки альтернативного выбора. В первом случае — в 1871 г. — революционный Париж был

уничтожен консервативным крестьянством, во втором — в 1981 г. — «розово-красное» правительство социалистов и коммунистов было вынуждено отступить под сверхвысоким внешним и внутренним давлением.

Но Россия — страна в большей степени самодостаточная, чем Франция. Наша альтернативная модель в перспективе может стать основой для новой системы общественных отношений, где рынок является урегулированным базисом роста народного благосостояния, а предпринимательская прибыль из самоцели превратится в один из рычагов такого роста. Имя этой перспективной альтернативы — «демократический социализм».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История Франции: в 3 т. Т. 3. Манфред А. З. и др., ред. М.: Наука, 1973.
2. Аслэн Ж.-Ш. Экономическая история Франции с XVIII века до наших дней. М.: ИНТРАТЭК-Р; 1995.
3. Экономическая история капиталистических стран. Полянский Ф. Я., Жамин В. А., ред. М.: Изд-во Моск. ун-та; 1986.
4. Арзаканян М. Ц. Политическая история Франции XX века. М.: Высшая школа; 2003. С. 31.
5. Глухарев Л. И. Воздействие «Общего рынка» на экономику Франции. М.: Изд-во Моск. ун-та; 1971.
6. Рубинский Ю. И. Франция в поисках новых путей. М.: Весь Мир; 2007.

REFERENCES

1. History of France. In 3 vols. Vol. 3. Manfred A. Z. et al., eds. Moscow: Nauka; 1973.
2. Aslan J.-Ch. Economic history of France from the eighteenth century to the present day. Moscow: INTRATEC-R; 1995. (In Russ.).
3. Economic history of capitalist countries. Polyanskiy F. Y., Jamin V. A., eds. Moscow: LMSU Publishing House; 1986. (In Russ.).
4. Arzakanyan M. C. Political history of France of the XX century. Moscow: Higher school; 2003. (In Russ.).
5. Glukharev L. I. The impact of the "Common market" on the French economy. Moscow: LMSU Publishing House; 1971. (In Russ.).
6. Rubinsky Y. I. France in search of new ways. Moscow: Vies Mir; 2007. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Георгиевич Худокормов — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия
inh-k@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander G. Khudokormov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of History of National Economy and Economic Studies of the faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
inh-k@mail.ru

Статья поступила 25.03.2019; принята к публикации 15.04.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.03.2019; accepted for publication on 15.04.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

